

В перечне предлогов (а их три: один — в разделе «Формы падежей», § 132, и два — в разделе «Предлоги», § 275) имеются пропуски. Например, в перечне предлогов с род. падежом пропущены предлоги *супроць, сярод, акрамя, між, паміж, з*; с вин. падежом — *скрозь, з, па*; с твор. падежом — *між, з*; с местн. падежом — *на*. Аналогичные явления имеются и в других перечнях.

Существенным недостатком книги является отсутствие в ней главы, посвященной ударению в современном белорусском языке — одному из интереснейших и важнейших вопросов белорусского языкознания. Нельзя не указать как на недостаток и на отсутствие в книге библиографии соответствующего содержания. Книга предназначена для государственных университетов, она рассчитана на учащуюся молодежь — пытливую, вдумчивую, способную заинтересоваться любым специальным предметом. И вот для этой-то молодежи и необходима библиография с небольшими аннотациями к названным работам.

Наконец, есть в книге недосмотры (их целый ряд; некоторые из них мы уже отмечали выше: пропуск предлогов и пр.), указывающие на невнимательное отношение автора к своей работе. Так, на стр. 100 названы наклонения: повелительное, изъявительное и сослагательное (порядок наклонений — автора книги); в дальнейшем же о «сослагательном наклонении» ничего не говорится, а на стр. 107 рассматривается «условное наклонение», т. е. единства в названии одного и того же явления нет.

На стр. 37 в § 83, говоря о том, что «звук *ф* соответствует иноязычному *f*, греч. *φ* (фи), например, *форма, фунт, фантазия, тиф, фабрика, фельчар*», автор ошибочно отнес сюда такие слова, как *форма, фунт, фельчар* и др., у которых *ф* не находится в соответствии с греческим *φ* (фи), — они не греческого происхождения. Выражение «греч. *φ* (фи)», взятое в запятыя, поясняет, что под иноязычным *ф* автор разумеет греческое *φ* (фи).

На стр. 12 в § 14 мы имеем дело, повидимому, с простым недосмотром автора: вместо «звуки *ы* и *и* в соответствии с русскими *о* и *и* перед *и* или *ј*», следует читать: «Звуки *ы* и *и* в соответствии с русскими *о* и *е* перед *и* или *ј*». На стр. 60 в § 144, п. в указано окончание *-йй*, повидимому вместо *-ей*; см. примеры: *сані — саней, сені — сяней, дзверы — дзвярэй, грудзі — грудзей, куры — курэй*.

Транскрипция автора в ряде случаев очень неточна: например, на стр. 15 в § 25 вместе с гласными *о, э* указываются также *'е, ё*. Встречается и немало опечаток.

О книге Т. П. Ломтева можно говорить лишь как о пособии по современному белорусскому языку, в котором к тому же было бы очень важно устранить в дальнейшем целый ряд несогласованных моментов и дезориентирующих читателя неточностей. Книга нуждается в хорошей обработке ее ответственным редактором (проф. П. С. Кузнецов — ответственный редактор книги — при подготовке первого издания этой работы явно не провел). Вопрос о привлечении диалектных данных и о месте исторического комментария к фактам белорусского языка разрешен в книге недостаточно продуманно и в целом неудовлетворительно.

Диалектные данные привлекаются в большой степени случайно, исторический комментарий дается непоследовательно. Возможно, что книга значительно выиграла бы, если бы ее автор не ставил своей задачей при столь сжатом объеме сообщить читателю одновременно сведения по современному белорусскому языку, его диалектологии и истории.

П. А. Расторгуев

J. Casares. Introducción a la lexicografía moderna.—Мадрид, 1950. 354 стр. (Х. Касарес. Введение в современную лексикографию.)

«Введение в современную лексикографию» представляет собой цикл лекций, прочитанных в семинарии, организованном для составителей будущего исторического словаря испанского языка. Самый характер задания наложил на построенный курс лексикографии заметный отпечаток: наряду с попытками разрешить ряд теоретических проблем, связанных с лексикографическими исследованиями, автор дает наглядные уроки технического оформления отдельных статей исторического словаря.

Книга состоит из трех частей и «Введения», написанного В. фон Вартбургом. В первой, общей части работы (Generalidades) автор делает попытку определить место лексикографической науки в ряду смежных дисциплин: этимологии, семасиологии, стилистики и др. Х. Касарес широко декларирует утилитарный характер лексикографии. Лексикография, по Касаресу, — это не наука, а некий свод технических правил, приемов и способов обработки словарного материала национального языка, которые вырастают не из общей теории лексикографии, а механически «сшиваются» из кусочков непосредственно связанных с лексикографической работой наук.

Непонимание общественной природы языка, отсутствие четкого представления о его общенародном характере приводит к тому, что вместо объективного воссоздания картины жизни языка (его лексики), представляющего определенную систему, исторически возникающую и развивающуюся по своим собственным внутренним законам,

автор направляет своих слушателей по ложному пути субъективной (индивидуально-психологической) интерпретации языковых фактов.

Лексикограф, по мнению Касареса, не должен стремиться к выяснению причин, в результате которых в языке происходят изменения. Он не рекомендует применять слово «законы» (leyes) по отношению к происходящим в области словарного состава изменениям, считая его слишком помпёзным. Отрицание объективного характера законов развития языка привело к тому, что автор не смог сделать правильные выводы о том, что такое слово, в каком соотношении находится слово и понятие, понятие и значение, чем должен руководствоваться лексикограф при установлении семантических границ слова и омонимов, чем определяются типы словарей и т. д.

В вопросе о типах словарей, который является одним из первых вопросов лексикографии, автор не высказывает оригинальных соображений. Касарес полагает, что «лексикография не занимается выбором слов», и, таким образом, лексикографу отводится роль пассивного регистратора языковых фактов. По существу автор отрицает необходимость составления нормативного академического словаря (*léxico oficial*). Не понимая роли и назначения выборочного словаря, Касарес пытается «теоретически» обосновать несостоятельность метода отбора слов. Ему кажется, что нормативный словарь в принципе не может дать правильного представления о словарном составе языка, так же, например, как перепись населения оказалась бы недостаточной и неполной, если бы из списков были исключены лица, не отличающиеся примерным поведением. Для Х. Касареса лексика общенародного языка является ничем иным, как арифметической суммой словарей отдельных индивидов, а потому он отрицает самую возможность представить эту лексику как некую единую систему, на которой в действительности и зиждется единство понимания.

Критикуя недостатки словарей академического типа, Х. Касарес без всяких оснований дискредитирует самую идею составления нормативных словариков. Поскольку практически нормативные словари все же создаются, то Касарес советует задачу выбора слов поручить корпоративному органу — академии, подчеркивая тем самым еще раз, что в данном вопросе основной является не научная, а административная сторона дела.

Что касается принципов построения исторического словаря, то, ориентировочно устанавливая объем его в 400 тыс. статей, автор призывает следовать примеру «Большого оксфордского словаря»¹, хотя и указывает, что в нем слишком большое место отводится инациональной лексике.

Л. В. Щерба совершенно справедливо писал о словарях, подобных «Большому оксфордскому»: «При всей их историчности установка их на мой взгляд вовсе не историческая: их цель дать все значения всех слов, принадлежащих и принадлежавших к данному национальному языку за все время его существования»². Именно такой и является установка Касареса: дать все значения по возможности всех слов, принадлежащих и принадлежавших испанскому языку с периода появления первых литературных памятников (XII в.) до настоящего времени. Работа по составлению такого исторического словаря испанского языка осложняется в настоящее время тем, что за последние 12—13 лет совершенно прекращена подготовка глоссариев и так называемого *Corpus de Diccionarios*³, не ведется больше работа по составлению лингвистического атласа, не исследуется лексика отдельных писателей и произведений (вроде словаря к «Поэме о Сиде»).

В своей работе Касарес не мог, естественно, не коснуться вопроса об определении значения слова и о принципах разграничения отдельных его значений. Касарес отмечает, что до настоящего времени ученые не пришли к единому мнению в отношении того, что такое с л о в о. Он утверждает, что в механизме языка нет устойчивого соотношения (*correlación estable*) между знаком и обозначаемым, иначе говоря — между словом и понятием (*concepto*), которое оно обозначает. Устойчивое соотношение знака и обозначаемого мы можем наблюдать, по мнению Касареса, только в природе, например, природный знак дым свидетельствует о наличии огня, условный знак красной цветовой возвещает об опасности. Единственно устойчивыми в языке являются словесные знаки-термины вроде *binomio* «бином», *gasolina* «газолин». Изолированное от контекста слово представляет собой ядро потенциальных обозначений (*núcleo de posibilidades significantes*), которые не представляются одинаковыми для всех членов соответствующей языковой общности (стр. 53).

Субъективистский, «психологический» подход к фактам общенародной речи приводит автора к мысли о том, что подлинное значение слова вообще нельзя установить. Единственно реальны, по Касаресу, те значения, которые возникают в мысленном пред-

¹ A New English Dictionary on Historical Principles founded mainly on the materials collected by the Philological Society edited by James A. H. Murray, Oxford, Clarendon Press, 1884.

² Л. В. Щерба, Опыт общей теории лексикографии, «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1940, № 3, стр. 117.

³ Имеется в виду свод наиболее известных испанских словарей XVI—XVII вв.

ставлении отдельных индивидов. Основываясь на подобном «принципе», автор приходит к выводу о том, что любое слово может иметь самые разнообразные оттенки значений в зависимости от особенностей психического склада тех индивидуумов, которые употребляют данное слово. Мысленное представление, которое вызывает, например, слово *marisma* «низменный берег, заливаемый приливом» будет различным у людей, далеко живущих от берега, и у береговых жителей (стр. 53).

В изолированном от контекста слове содержится неограниченное количество потенциальных смысловых возможностей (стр. 57). Поскольку соотношение между знаком и обозначаемым крайне неустойчиво, и элементы, входящие в это соотношение, могут варьироваться, то лексиколог должен заниматься параллельным изучением эволюции знака (т. е. слова) и обозначаемого (т. е. вещи) (стр. 53). В каждом случае, утверждает Касарес, ученый должен обязательно анализировать результаты вмешательства мыслящего индивида (который может действовать сознательно или бессознательно) в соотношение знака и обозначаемого. Правда, Касарес вынужден признать, что на изменение значения слова могут влиять не только субъективные факторы (психика мыслящего индивида), но и объективные: социальные, культурные и даже политические (стр. 54). Однако пример, который он приводит в доказательство влияния политического фактора на эволюцию слова, не имеет никакого отношения к подлинно научному семантическому анализу. Он указывает, что издавна известное испанскому языку слово *jornalero* «поденщик; человек, вынужденный зарабатывать хлеб тяжелым трудом» в период зарождения в Испании социалистического движения стало заменяться словом *obrero* «рабочий»; в конституции 1931 г. в этом значении употребляется слово *trabajador* «трудолюбивый», а пришедшие в 1939 г. фашисты стали обозначать понятие «поденщик» словом *productor* «производитель» (стр. 54). Нетрудно заметить, что в данном примере речь идет не о подлинной эволюции слова *jornalero*, а о конституционно-правовом зачислении группы лиц, обозначаемых этим словом, в категорию рабочих, трудящихся и т. д.

В манипуляции с заменой слова *jornalero* на расплывчатое *productor* можно наблюдать практическое использование рецептов, рекомендуемых представителями так называемого семантического идеализма. Но, по Касаресу, лексикограф не должен интересоваться причинами, вызывающими изменения значений слов, его дело — учесть различные значения слова и по возможности установить, в каких взаимоотношениях они находятся (стр. 55).

Касарес правильно замечает, что определение значения слова и установление количества значений является одним из самых трудных языковедческих вопросов. Утверждая, что в слове содержится неограниченное количество потенциальных смысловых возможностей и что слово в каждом новом контексте имеет особое значение, он сближается с позицией К. Фосслера, который настаивал на том, что значение слова вообще нельзя определить, так как мы каждый раз вкладываем новое значение в одно и то же слово⁴.

Спор между Штейнталем и Германом Паулем, говорит Касарес, по поводу того, существуют или не существуют слова, имеющие более одного значения, не имеет практического интереса для составителя словаря, если речь идет о современных языках (стр. 59). Однако практически, замечает Касарес, приходится решать данный вопрос. В разрешении этой проблемы есть две тенденции. Одна из них характеризуется стремлением проанализировать в мельчайших подробностях все оттенки значений, другая останавливается на тех значениях, которые воспринимаются четко отграниченными друг от друга. Выявление оттенков значений скрывает перспективу общего, хотя и дает полную генеалогическую картину развития значений. Чрезмерная конденсация имеет свои отрицательные стороны: трудно подобрать бесспорные иллюстративные примеры, затушевываются фазы специализации значений (стр. 58—59).

Касарес не дает теоретического обоснования приемам выявления отдельных значений слова. По его мнению, в каждом отдельном случае это зависит от конкретного материала и от индивидуальных представлений исследователя. Иначе говоря, рекомендуется интуитивно-эмпирический подход к материалу исследования. При разграничении значений слова Касарес советует учитывать следующее:

1. Если слово заимствованное и до прихода в испанский язык имело два или несколько значений, более или менее ясно прослеживаемых в новой языковой среде, то необходимо соответственно выделить эти значения.

2. Если слово, широкое по смысловому диапазону, порождает некое суженное значение (явление так называемого сужения значения), то это последнее следует выделить в словаре в самостоятельную рубрику. Например, *hierba* «трава вообще» и *hierba*, или *yerba*, «парагвайский чай» (в испанском языке Южной Америки).

3. Если окказиональное употребление стало узальным, то это последнее фиксируется как самостоятельное значение слова.

⁴ Ср.: «Каждый раз, употребляя слово *gospoda*, я возобновляю его материю; это новый звуковой акт и новый акт психологический» (Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., Соцгиз, 1933, стр. 110).

4. Если слово, употребленное в переносном значении, требует, чтобы для понимания слушающий обратился вначале к прямому значению и только потом снова к метафорическому, то это значит, что речь идет об окказиональном употреблении слова, а не о новом его значении. Например, *un enjambre de pretendientes* «рой просителей».

5. Если определяющее слово отрывается от определяемого по формуле *buque acorazado* = *acorazado*, буквально: «броненосный корабль» = «броненосный» (броненосец) (стр. 64—67), то подобного типа определяющее слово должно быть выделено в самостоятельную рубрику.

Пытаясь наметить пути выявления лексико-фразеологических вариантов слова, Касарес не учитывает в той степени, в какой это было бы необходимо, лексико-синтаксических возможностей слова, не делает четкого различия между основным значением, тесно связанным с понятием, и периферийными значениями, не привлекает материала для синонимических и антонимических сопоставлений.

Вслед за разрешением вопроса о количестве значений слова встает не менее трудная задача о порядке расположения лексико-фразеологических вариантов слова. Касарес отмечает несколько возможных принципов расположения: эмпирический, генетический, логический и исторический.

Испанская Академия в словарях общего типа обычно следует эмпирическому принципу. Касарес останавливает свое внимание на эмпирическом и историческом принципах, отмечая, что оба они имеют право на существование. Первый, т. е. эмпирический, исходит из чисто практических нужд, и составитель, следующий этому принципу, помещает вначале общепотребительное значение, затем устаревшее, фамильярное, фигуральное, областное и испано-американское, жаргонное, техническое. Главным недостатком эмпирического принципа Касарес считает отсутствие достоверных статистических данных о частотности употребления слова в том или ином значении. Так, словарь Академии в статье *asunto* первым выделяет значение «сюжет» (*cuadros de asunto religioso* — «картины с религиозным сюжетом, тематикой»), последним — «дело» (*negocio*) (в словаре 1914 г. это значение вообще не выделялось). За последние десятилетия, как показал опрос, проведенный Касаресом, наиболее частым является употребление слова *asunto* именно в значении «дело» (стр. 69—70).

В основу генетического принципа кладутся соображения: как? когда? почему?

Исторический принцип делает затруднительным практическое (не в научных целях) использование словаря, поскольку первой дается этимология слова, затем первоначальное (исходное) значение и после целой серии других значений самое употребительное (основное).

Несмотря на целый ряд трудностей, которые стоят на пути реализации исторического принципа, Касарес считает его более приемлемым. Идеальным макетом статьи, построенной по историческому принципу, представляется Касаресу тот, когда перед нами генетическое развитие значения совпадало бы с хронологическим порядком появления в письменных памятниках этих новых значений. Однако этого редко удается достигнуть. Многие значения слов могли существовать в различные периоды развития языка, но они не всегда фиксируются в письменных памятниках, а потому не могут быть учтены лексикографом. Далее, генетическое развитие слова может не быть единым, если то или иное слово имело два или несколько значений в том языке, из которого оно заимствуется. Таким образом, может возникнуть не одна, а несколько генетических линий развития, причем они чаще всего перекрещиваются, раздваиваются, разветвляются и порождают новые серии значений. Бывает и так, что какое-нибудь слово, например греческого происхождения, пришедшее в испанский язык в трансформированном виде из вульгарной латыни, в более позднюю эпоху может перейти из книги в первоначальное значение, что, естественно, вызовет «противоречие» между генетическим порядком расположения и хронологией. Для того чтобы привести в соответствие линию генетического развития с хронологией, Касарес считает необходимым выделить по возможности все основные разряды развития значений. В каждом разряде определяется группа семантически сходных значений. Таким образом, облегчается увязка генетической линии развития (в каждом из разрядов) с хронологией (тоже не общей, а для каждого из разрядов).

Касарес, видимо, прав в том отношении, что в историческом словаре ссылка на этимологию должна содержать не только указание на слово, скажем, латинского языка, из которого развивается испанское, но и основные варианты значений этого латинского слова. Так, например, недостаточно указать на то, что слово *orden* происходит из латинского *ordo*, нужно здесь же отметить, что оно в латинском языке имело значения: а) расположение вещей в пространстве; б) последовательное расположение чего-либо во времени; в) места в цирке, расположенные уступами (стр. 89). Сопоставление вариантов значений латинского слова с основными разрядами значений слова в испанском языке действительно дало бы интересный и поучительный для лексикографа материал. Для того чтобы сделать убедительной представляемую лексикографом картину развития значений того или иного слова, Касарес считает необходимым при-

водить статистический материал: количество собранных, но не помещенных в словарь примеров обозначать соответствующей оставшемуся количеству карточек цифрой, например (+17), (+25) и т. д.

В своей работе Касарес затрагивает чрезвычайно интересный вопрос о месте сложных слов и словосочетаний в словаре. В отличие от Дармстедтера и Мейера-Любке, он подходит к сложному слову не с чисто этимологическим критерием, но пытается выделить слова, совершенно утратившие свой некогда сложный состав, и слова, сохраняющие в полном объеме свою лексическую многочисленность. Когда слияние компонентов закончилось, замечает Касарес, то включение его в словарь не представляет никаких трудностей. Для испанца *dieciseis* и *diez y seis* (шестнадцать), несмотря на различное написание, — одно слово. Различные написания в данном случае не могут интересовать лексикографа, хотя при отсылке телеграммы слитное или раздельное написание отражается на оплате (стр. 93).

Основное внимание Касарес, естественно, уделяет вопросу о словосочетаниях. Как известно, в словосочетаниях выявляется качество сложного слова в собственном смысле, но все же словосочетание не тождественно сложному слову. Касарес справедливо протестует против включения в словарь окказиональных комбинаций слов вроде *buque de vela* «парусный корабль», *buque de guerra* «военный корабль» и т. д. В историческом словаре подобные комбинации слов, говорит он, не должны отмечаться, ибо этот словарь занимается в первую очередь словами, а не объяснением вещей и понятий (то же самое нужно было бы сказать и относительно других типов словарей, например академического, общего). Однако устойчивое словосочетание *caballo de vapor* «лошадиная сила» необходимо должно быть включено в словарь, поскольку в отдельности ни слово *caballo* «лошадь», ни слово *vapor* «пар» не передают понятия единицы мощности, которая равна 75 *кэл/сек* (стр. 101).

Мы считаем, что устойчивые словосочетания этого типа могли бы быть определены как составные термины⁵, которые выражают одно понятие и тем самым являются эквивалентом слова. Но Касарес четко не ограничивает эту группу составных терминов от других типов фразеологических сочетаний.

Под фразеологическим сочетанием (*locución*) Касарес понимает «устойчивую комбинацию двух или нескольких слов, функционирующую в качестве одной из частей речи, и смысл которой, понятный данной лингвистической общности, воспринимается не иначе как единая сумма составляющих ее компонентов» (стр. 170). С этой точки зрения выражение *noche oscura* «темная ночь» не является фразеологическим сочетанием, поскольку прилагательное *oscura* является одним из возможных определителей существительного *noche* и, сочетаясь с ним, не теряет своего обычного значения «темная». Другое дело сочетание *noche toledana* «бессонная ночь». В данном фразеологическом сочетании прилагательное *toledana* «толедская» не имеет своего первоначального значения. Истинное значение *toledana* может быть осмыслено и понято только в сочетании с *noche*. Все выражение означает «ночь, в которую нельзя сомкнуть глаз», «бессонная ночь» (стр. 170).

Касарес пытается также дать классификацию фразеологических сочетаний на основе структурного анализа и анализа по функции. Весь разряд фразеологических сочетаний он делит на две группы: значимые (*significantes*) и связанные (*coexivas*). В группе значимых он отмечает именные, т. е. образовавшиеся на базе имен существительных и эквивалентных им, например *papel moneda* «бумажные деньги»; адъективные (*adjectivales*), т. е. выступающие в функции прилагательных, например (*una comedia*) *de cascabel gordo* «трескучая, пустая (комедия)»; глагольные, т. е. образовавшиеся из глагола, который, сочетаясь с прямым или косвенным дополнением, образует сложный предикат, например *subirse a la parra* «лезть на стену, сердиться»; причастные, например *hecho un mar de lágrimas* «заплаканный, весь в слезах»; наречные, местоименные и междометные. Группа связанных фразеологических сочетаний подразделяется на союзные, например *con tal que* «с тем, чтобы», и препозитивные, например *en pos de* «вслед за» (стр. 170—184).

Негрудно заметить, что принцип деления в данной классификации проведен нечетко: достаточно сопоставить адъективную группу фразеологических сочетаний (учтена только функция) с причастной (учтена только формальная сторона). Вслед за многими испанскими лексикологами и грамматистами Касарес считает, что одним из признаков устойчивых сочетаний (эквивалентов слова) является часто наблюдаемая в них «грамматическая аномалия». По мнению многих испанских лингвистов, сочетания вроде *a pie juntillas*, *a ojos vistas* являют собою примеры «грамматической аномалии», ибо, например, в первом случае «нарушается» грамматическое правило согласования: существительное *pie* стоит в форме единственного числа и относится к мужскому роду, а прилагательное *juntillas* имеет формальные показатели женского рода множественного числа.

⁵ См. В. В. Виноградов, Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, сб. «Академик А. А. Шахматов», М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947, стр. 358.

Подобный анализ свидетельствует о том, что у Касареса нет четкого представления о грамматических особенностях словосочетания (соответственно, сложного слова). Термин «грамматическая аномалия» в применении к подобного рода примерам совершенно запутывает дело. Сочетание *a pie juntillas* является устойчивым словосочетанием наречного типа и в данном случае нужно говорить не о «грамматической аномалии», а о вполне закономерном, «грамматически нормальном» явлении включения устойчивых словосочетаний в определенный разряд слов (частей речи), а именно — в разряд наречий. Это включение происходит в соответствии с законом грамматической аналогии.

Уже на ранних этапах развития испанского языка в разряде наречий, который пополнялся за счет различных частей речи и потому не имел своих собственных ярко выраженных формальных показателей, мы наблюдаем в ряде случаев процесс унификации окончаний. Унификация шла, в частности, за счет добавления конечного *-s*. В отдельных случаях *-s* становилось единственным элементом, при помощи которого могли различаться такие, например, слова, как *ante* (предлог) и *antes* (наречие). В слове *antes s* не этимологическое, а возникло в результате действия закона аналогии (по аналогии с *después, pues, más, menos, jamás* и др.). По этому же типу образовались наречия *quizás, entonces*, в арагонском диалекте наречный оборот *de noches* и ряд других, а также наречные обороты *a escondidas, a hurtadillas, a ciegas, de veras*. По этому же типу на *-as* образовались *a pie juntillas, a ojos vistas* и др.

Касарес пытается выделить из массы устойчивых сочетаний так называемые пословичные речения (*frases proverbiales*). Современные испанские словари пользуются целой серией крайне расплывчатых терминов для определения тех речений, которые не входят ни в разряд собственно фразеологических сочетаний, ни в категорию пословиц и поговорок, хотя и обнаруживают близость и к тем и к другим. Касарес указывает, что такие термины, как «выражение» (*expresión*), «оборот» (*giro*), «готовое речение» (*frase hecha*), часто применяемые в словарях, вследствие крайней неопределенности должны быть отброшены (стр. 85).

Что же такое, по мнению Касареса, пословичное речение? Для определения этого понятия и для выделения в словаре разряда подобного типа речений автор предлагает учитывать следующие факторы:

1. Любая формула, состоящая из нескольких слов, которую можно свести к одной из категорий фразеологических сочетаний, не является пословичным речением (негативное определение) (стр. 186).

2. В большинстве случаев то, что следует определять и выделять как пословичное речение, является устной или письменной формулой, которая стала известной и широко употребительной благодаря какому-нибудь действительно историческому событию, происшествию, анекдоту и т. д. Например: *las paredes oyen* «и стены имеют уши» [имеется в виду стена Статирия (*Staterii paries*), за которой подслушивались разговоры о планах государственного переворота]⁶, *tijeretas han de ser* (данное речение, близкое к нашему «Нет, стрижено!», возникло из анекдота об упрямой жене, которая усики виноградной лозы упорно называла «ножничками», с чем не соглашался муж) (стр. 189).

3. Пословичное речение является автономным лексическим единством и обычно не вступает в синтаксическую связь с другими частями предложения, фразы (стр. 190).

4. Выразительная сила пословичного речения заключается не в тех образах, которые в нем содержатся, а в некоем параллелизме, сходстве данной ситуации с той, в которой некогда родилось речение (стр. 190). Так, например, испанец, отлив некоторое количество вина или воды из кувшина или какого-нибудь другого сосуда, нередко произносит: *Hasta verte, Jesús mío* «до свидания, Иисусе». В давние времена обычно на дне кувшина делалась надпись J. H. S., обозначавшая имя Иисуса (Jesús), — отсюда и родилось фамильярное обращение к «сыну божьему». Данное речение произносится в подходящей (*uso congruente*) ситуации, т. е., иначе говоря, необходимо предполагает присутствие некоего лица с кувшином в руках (стр. 191).

5. Употребление пословичного речения обычно является своего рода цитированием, ссылкой на некий единичный случай, на некую единственную в своем роде ситуацию. В отличие от пословичного речения пословица (*refrán*) обычно имеет смысл «универсальной истины» (*una «verdad» valedera para la humanidad*) и не соотносится с конкретным случаем, событием, происшествием, анекдотом (стр. 194).

6. Пословичное речение в отличие от пословицы не несет на себе следов специальной художественной обработки (метрика, ритм, рифма, аллитерация и т. д.) (стр. 194).

7. Пословичные речения почти во всех случаях тесно связаны с местной национальной средой, как по происхождению, так и по употреблению (стр. 196).

В связи с вопросом о фразеологических сочетаниях, пословичных речениях, пословицах Касарес останавливается на вопросе об идиомах языка, которые он на-

⁶ См. М. И. Михельсон, Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний, т. II, стр. 425.

зывает *modismos*. Разделы, посвященные идиоматике, содержат интересные данные по истории терминологии, в них критикуются недостатки традиционных определений понятия «идиома», высказываются целый ряд соображений по этому вопросу, но четких выводов автор не делает и заканчивает серию этюдов призывом к серьезной научной разработке этой проблемы.

В главе, посвященной вопросу о лексическом составе языка, автор в основном уделяет внимание лексическим пластам, лежащим вне общенародной нормы употребления: жаргонизмам, узким профессионализмам, областным употреблением и т. д. С теоретической точки зрения эта часть работы не представит интереса для советского читателя, хотя в ней и содержится ряд верных замечаний и богатый иллюстративный материал. В теоретических положениях Касарес мало самостоятелен и оригинален. Пагубно сказывается на общей теоретической системе построения курса и на практических выводах принятие автором, в несколько подправленном виде, антиисторической в своей основе сосюррианской концепции сущности языка. Как известно, основным положением, на котором базируется социологическая концепция де Соссюра, является противопоставление «речевого акта» и «языка».

«Избегая бесплодных определений слов,— говорит де Соссюр,— мы прежде всего различили внутри общего феномена, каким является *речевая деятельность* (*langage*), два фактора: *язык* (*langue*) и *речь* (*parole*). Язык для нас — это речевая деятельность минус сама речь. Он есть совокупность лингвистических навыков, позволяющих отдельно человеку понимать других и быть ими понятым»⁷.

Касарес также оперирует понятиями «речевая деятельность» (*lenguaje*), «язык» (*lengua, idioma*), «речевой акт» (*habla*). «Речевая деятельность», по определению Касареса,— это система выразительных возможностей (*posibilidades expresivas*) в пределах однородной лингвистической общности, включая в число этих возможностей и те, которые пребывают в скрытом состоянии (*en estado latente*) (стр. 267). «Языком» он называет целостную систему проявившихся средств выражения (*conjunto de las expresiones actualizadas*), которые порождены «речевой деятельностью». «Актом речи» называется вводимая индивидом в действие часть «языка», состоящая из собрания устных формул, при помощи которых сносятся между собой более или менее многочисленные группы людей внутри одной и той же лингвистической общности.

Все «акты речи» подчиняются механизму «речевой деятельности», а сумма «актов речи» составляет «язык». В «речевых актах» возникают новшества, проявляется индивидуальное языковое творчество, они — источники всяких изменений и преобразований, речевая же деятельность представляет собой систему, обладающую исключительной консервативной силой. Преобразования, возникающие в «речевых актах», не затрагивают «речевой деятельности». «Речевая деятельность» претерпевает изменения только в результате сильных потрясений, например, под влиянием вторжения народов с чужой речью.

«Речевая деятельность» отпечатывается в психике индивида в форме приобретаемого инстинкта, который находит свое выражение в явлениях аналогии. Так, если от глагола *facturar* образуется существительное *facturación*, то по аналогии от *conjeturar* мы строим или воспринимаем как нечто известное *conjeturación*. Это слово потенциально содержится в «речевой деятельности» и в любой момент из потенции может превратиться в действительность. Изучением «речевой деятельности» занимается, по мнению Касареса, общая лингвистика. Объектом лексикографии является «язык» (стр. 267).

Так же, как и де Соссюр, Касарес считает, что «речевая деятельность» есть явление социальное, т. е. предполагает участие по крайней мере двух индивидов. Если один из индивидов, поясняет Касарес, воспроизводит комбинацию звуков *alterna m i e n t o* (заметим от себя, что этот комплекс звуков не составляет слова) и этот акустический знак не вызывает у другого индивида словесного образа и не ассоциируется с чем-то знакомым (иначе говоря, не понимается слушателем), то в этом случае нельзя говорить ни об «акте речи», ни о «речевой деятельности», ни о «языке». Напротив, если этот причудливо составленный комплекс звуков будет воспринят (понят), то это будет означать, что акт «речевой деятельности» (*lenguaje*) совершился (стр. 326—327).

Касарес считает, что недостаток социологической концепции де Соссюра заключается в слишком категорическом противопоставлении «акта речи» (*parole*) «языку» (*langue*). Связующим звеном между ними, по мнению Касареса, является «речевая деятельность», понимаемая как система выразительных возможностей данного национального языка. Индивидуальный «акт речи» через систему выразительных возможностей «речевой деятельности» в пределах конкретного языка превращается в факт «языка». Несмотря на некоторые оговорки, концепция Касареса почти полностью совпадает с построениями де Соссюра. Касарес так же, как

⁷ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., Соцэкгиз, 1933, стр. 86.

и де Соссюр, далек от подлинно научного историзма и по существу приходит к его отрицанию. Для Касареса так же, как и для основателя социологической школы, язык представляет собою социально значимую систему знаков, причем знак по своей природе психичен. Ясно, что подобные теоретические посылки обрекают на провал практическую работу по составлению исторического словаря.

Касарес далек также от истинно научного представления об общенародном характере языка. Общенародный язык (*lengua común*), по Касаресу, возникает как арифметическая сумма из индивидуальных «актов речи», в каждом из которых выявляется некая общая для многих говорящих часть (стр. 268—271). В буржуазной лингвистической литературе нередко можно встретить утверждение о том, что общенародного языка как такового не существует. Доза, например, очень ясно выражает свое сомнение по поводу реальности существования общенародного языка; по его мнению, реальны «специальные языки», т. е., иначе говоря, общество пользуется не единым языком, а жаргонами: крестьянскими, профессиональными, воровскими, литературными⁸. Того же примерно мнения придерживаются и сторонники порочной «теории слоев» (Науман, Рольфе, Лерх и др.)⁹.

В книге содержится богатый и разнообразный фактический материал, приводятся много интересных справок и данных из области истории лексикографии, исторической семасиологии, этимологии, стилистики, лексикологии; автор дает примеры тонкого стилистического анализа словоупотреблений, высказывает ряд верных замечаний по поводу испанской и иностранной лексикографической продукции.

Однако основные проблемы лексикографической науки, вследствие ошибочных, а иногда и просто порочных методологических установок автора, остались неразрешенными. Самоочевидно, что без построения правильных, научных основ общей теории лексикографии ответственная работа по составлению исторического словаря не может протекать успешно.

Г. В. Степанов

⁸ См. А. D a u z a t, *Les argots. Caractères, evolution, influence*. Paris, Delagrave, 1929.

⁹ См., например: Н. N a u m a n n, *Über das sprachliche Verhältnis von Ober- zu Unterschicht*, «Jahrbuch für Ph.», I, München, 1925; E. L e r c h, *Über das sprachliche Verhältnis von Ober zu Unterschicht*, там же.